

УДК 811.161.1'1

DOI: 10.17223/19986645/62/3

Л.А. Бушуева

ФРЕЙМОВАЯ МОДЕЛЬ НЕЧЕСТНЫХ ПОСТУПКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Рассматриваются теоретические и методологические основы теории фреймов, получившей распространение в современной лингвистике и нашедшей применение в практических исследованиях. Целью работы является анализ репрезентации фрейма «нечестный поступок» в лексической системе русского языка, русской речи, вербальных ассоциациях говорящих. Исследование показывает, каким образом имена поступков репрезентируют фрейм, представляющий собой структуру, состоящую из слотов: мотив, действие, агент, объект, оценка, результат.

Ключевые слова: *поступок, нечестный поступок, фрейм, прототип, дискурсивный анализ, вербальные ассоциации.*

Поступок как составная часть поведения формирует мир жизни, в котором человек выступает в роли агента сознательной деятельности. Именно через поступок человек вступает в активные отношения с окружающим миром. В зависимости от того, в каком направлении научного знания трактуется поступок (историческом, психологическом, философском, социологическом), номинация *поступок* наполняется новыми смыслами и оттенками.

Современные философские исследования делают акцент на ценностной природе поступка: «...поступок – действие, атрибутируемое как ценностный акт, выступает условием самораскрытия человека, расширяет представление личности о ее возможностях, «диаметре собственного я» [1. С. 173]. Роль различных элементов поступка оценивается по-разному в этических теориях разных лет: либо в поступке важен исключительно мотив, либо имеет значение лишь само действие. В работах современных авторов решению, предшествующему самому поступку, отводится важная роль [2, 3].

Существенным вопросом в отношении поступка является его отличие от действия: поступок всегда так или иначе соотнесен с окружающими, поскольку он всегда имеет значение для других. Поступок видится как исключительное действие, которое возвышается над формами стереотипного взаимодействия членов социума [1. С. 174]. С.В. Димитрова, исследуя соотношение действия и поступка, приходит к выводу, что 1) поступок следует рассматривать как ценностную характеристику действия, поскольку человек оценивает, какое влияние окажут его действия на других людей; 2) поступок базируется на чувстве долга, которое служит основанием для целей; 3) условием для поступков является существующее бытие человека, которое реализуется в результате совершения поступков; 4) человек обретает нравствен-

ную характеристику (становясь хорошим или плохим) лишь в процессе совершения поступков – судить о человеке можно по его поступкам, соотнося их с нравственной оценкой, устанавливаемой совестью [4].

Поступок имеет акциональную природу, при этом он неразрывно связан с действием (действиями). О такой связи свидетельствуют словарные толкования, в составе которых нередко определения «действие» и «поступок» даются в одном ряду, ср.: «подвиг – доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях» [5. С. 604]; «проделка – действие, поступок, обычно предосудительного характера» [Там же. С. 655].

На разницу между поступком и действием указывают и типичные сочетаемостные характеристики лексемы *поступок* и лексем, обозначающих поступки, ср: *решился на + поступок / обман / подлость*; *идти на + поступок / обман / подлость*; *надувательство / интрига / обман + раскрыться*. Подобные сочетания маркируют значимость и оцениваемость соответствующих действий: «решился – обдумав все за и против, преодолев боязнь ошибиться, убедить себя в целесообразности какого-либо действия, поступка» [6. С. 1018]; «идти на что-либо – соглашаться, решаться на какое-либо рискованное, трудное, неприятное и т.п. действие, проявлять готовность к осуществлению такого действия» [Там же. С. 371]; «раскрыть – обнаружив что-либо недопустимое или преступное и при этом тщательно скрываемое, сообщить об этом» [Там же. С. 684]. Значимость и оцениваемость действий, возводимых в ранг поступков, хорошо иллюстрируется также приведенными выше словарными толкованиями лексем *подвиг*, *проделка*.

В данном исследовании поступок рассматривается как сознательное и разумное действие человека, совершающееся в результате реализации мотива и вызывающее определенную реакцию у окружающих, выражающуюся в виде оценки.

В языке поступки представлены именами существительными и глаголами. Для имен поступков, так же как и для соотносительных с ними глаголов (*благодетельство, благодетельствовать; геройство, геройствовать* и др.), характерна предикативная функция [7]. Предикатные слова, в том числе слова, характеризующие поступки, ориентированы на познающего субъекта и субъективны, они выражают то, что мы «думаем о мире» [Там же].

Лексика, обозначающая поступки в русском языке, рассматривалась ранее в разных аспектах: логико-когнитивном, семантическом, историческом, психолингвистическом. С.В. Ускова рассматривает семантико-синтаксические характеристики слова *поступок* как репрезентанта концепта «поступок». Исследование проводится на материале текстов, представленных в НКРЯ. Автор строит модель совершения поступка и отмечает, что совершение поступка предполагает два компонента: 1) совершение действия; 2) определение этого действия как поступка и его оценивание. В соответствии с компонентами поступка выделяются две микропропозиции: диктумная / событийная (совершение поступка) и модусная / оценоч-

ная, при этом каждая пропозиция включает свой набор участников (актантов). Диктумная микропропозиция «совершение поступка» включает субъекта, который совершает действие, нарушая социальную или личную норму. Факультативными участниками в данной пропозиции являются мотив, объект и результат. Модусная микропропозиция включает субъекта оценки, который дает оценку действию, совершенному субъектом, определяя данное действие как поступок и характеризуя поступок [8. С. 111].

Нечестные поступки рассматривались в рамках нечестного поведения в исследовании Е.В. Симоновой [9]. Автор анализирует функционирование семантического поля «нечестное поведение» в русских текстах XI–XX вв.: выделяется 8 микрополей («обман», «ложь», «клевета», «лесть», «лицемерие», «коварство», «измена», «мошенничество»), изучаются семантические отношения, а также изменения в составе данных микрополей в зависимости от периода времени.

Отдельные единицы, принадлежащее номинативному полю ситуации нечестного поступка, являлись объектом изучения в рамках психолингвистического исследования глаголов поведения на материале ассоциативных реакций [10].

Проведенные ранее разноаспектные исследования поступков, в том числе нечестных поступков, позволяют выделить поступки в самостоятельную семантико-когнитивную категорию, рассматривать нечестные поступки как субкатеорию данной категории и продолжить изучение категориальных и субкатеориальных свойств названных ментальных и языковых структур. Одним из таких свойств, на наш взгляд, является наличие общей фреймовой модели – как для категории поступков в целом, так и для ее субкатеорий. В этом аспекте ни поступки в целом, ни нечестные поступки ранее не рассматривались.

Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации; экономный способ передачи информации, который ускоряет процесс ее обработки и отражает основные моменты близких ситуаций, принадлежащих одному классу [11]. Это своего рода свернутая схема, целая статичная сцена или целый динамичный свернутый сценарий последовательных действий (операций) одного типа и одной цели (например, фрейм *идти в школу*).

Фреймы как структуры знаний о фрагментах действительности могут быть реконструированы в процессе анализа языкового материала.

Цель исследования – на примере семантической группы «нечестный поступок» показать то, каким образом в языке, речи и вербальных ассоциациях репрезентирована общая когнитивная модель поступков, т.е. их инвариантный фрейм.

Единицы когниции, к которым в том числе относятся фреймы, многообразно вербализованы в языке и речи, репрезентированы конвенциональными значениями языковых единиц, разными типами их отношений и связей, характером дискурсивного развертывания, закреплены в ассоциативно-вербальной сети говорящих. Данная методологическая установка опре-

делает необходимость применения целого ряда методических процедур при решении задачи моделирования единиц ментального уровня:

- 1) анализ языковой (словарной) семантики слов;
- 2) анализ парадигматических сближений (синонимия, ассоциативные сближения);
- 3) анализ деривационных (словообразовательных) связей;
- 4) анализ синтагматических свойств (непосредственной сочетаемости);
- 5) анализ контекстуальных значений изучаемых единиц;
- 6) анализ их ассоциативных связей.

Выбор данных методологических подходов объясняется следующим:

- фреймы – многомерные двухуровневые структуры, включающие в себя собственно семантический уровень и концептуальный уровень [12];
- в рамках теории фреймов лексическое значение – не узкий набор признаков, с помощью которых происходит идентификация некоторого класса объектов, а весь комплекс знаний, стоящий за обозначаемым [13, 14].

Таким образом, системно-языковые данные (лексические значения слов, их синонимические и словообразовательные связи) позволяют выявить основные, закреплённые общественной конвенцией элементы фреймовой структуры изучаемой системы понятий, воссоздать каркас соответствующего фрейма.

Анализ контекстуального поведения единиц, выделенных на этапе системно-языкового исследования, направлен на решение следующих задач: верификации результатов предшествующего анализа; возможного достраивания полученного фрейма; уточнения его содержательного наполнения; оценки относительной актуальности узлов фрейма; выделения прототипических признаков их содержания. Базой для выделения прототипических значений на данном этапе анализа становится возможность количественной оценки тех элементов содержания, которые актуализированы в речи в рамках общего значения определенного элемента фреймовой структуры (например, в рамках узлов «агент поступка» или «оценка поступка»). Таким образом, узлы фрейма рассматриваются как ментальные образования, организованные по принципу естественных категорий вокруг прототипических значений. В данном исследовании прототип рассматривается как представление о наилучшем образце своего класса, как обозначение типичности [15]. По мнению исследователей, при помощи прототипов становится возможным описание бесконечного через посредство конечного [16. С. 144].

Значительный по объёму корпус контекстов, объединённых на основе их концептуальной общности (сконцентрированных вокруг одного концепта), образует общий контекст, описывающий нечестные поступки, связанных с ними действующих лиц, объекты, обстоятельства – дискурс в коммуникативно-когнитивном смысле как форму текстовой объективации содержания человеческого сознания, детерминируемую определенной социокультурной традицией (возможность такого понимания дискурса отражена, например, в работах [17–19]; ср. также одно из значений термина «дискурс» в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Нико-

лаевой – «группа высказываний, связанных между собой по смыслу» [20. С. 467]. Именно в этом смысле использованы в данной работе термины «дискурс» и «дискурсивный анализ».

Задачи анализа вербальных ассоциаций, выступающих, по определению Ю.Н. Караулова, в качестве единиц предречевой готовности говорящих, сходны с задачами дискурсивного анализа и выполняют по отношению к последнему уточняющую и контролирующую функции, однако в силу особенностей материала (его свернутого, «мерцающего» характера) не могут быть полностью ему тождественны. Количественная оценка вербальных ассоциаций является значимым критерием объективации прототипических содержательных компонентов фрейма. Прототипичность проявляется в том единодушии, с которым носители языка характеризуют значение определенных единиц в отрыве от контекста.

Как справедливо отмечают исследователи, ассоциативный материал, получаемый экспериментальным путем, не лишен собственных связей с текстами и коммуникативной деятельностью [21, 22]. Тексты, пропускаемые через восприятие человека, влияют на строение его ассоциативно-вербальной сети, а состоянием этой сети в значительной мере определяются содержание и форма порождаемых высказываний, которые обобщаются в форме традиционных словарных толкований [23]. По словам А.А. Леонтьева, «семантические и ассоциативные характеристики слова имеют единую психологическую природу» [24. С. 268]. Таким образом, ассоциативный материал «позволяет проследивать все многообразие выделяемых в лингвистических исследованиях «видов значения», «компонентов содержательной структуры слова» и т.п.» [25. С. 107].

Источниками материала исследования послужили данные авторитетных толковых, синонимических, идеографических, ассоциативных словарей, тексты художественной, публицистической, устной речи XX–XXI вв., включенные в Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [26].

Группа «нечестный поступок» репрезентирована в русском языке именами поступков *хитрость, плутовство, обман, надувательство, жульничество, уловка, увертка, подлость, низость, гнусность, интрига, каверза, подвох, измена, предательство, вероломство*.

Данные лексемы рассматриваются в рамках категории поступка с опорой на «Большой толковый словарь русских существительных», в котором большинство из них представлены в группе лексем, обозначающих поведение, поступки [27], а также на «Малый академический словарь», ср.: «хитрость – 2 значение: поступок человека, скрывающего свои истинные намерения, идущего обманными путями к достижению чего-либо, ловкий прием, уловка» [Там же. С. 728]; «плутовство – поведение мошенническое, хитрое, нечестный поступок, имеющий целью ввести кого-либо в заблуждение, обмануть» [Там же. С. 724]; «жульничество – поступок, обнаруживающий плутовство, мошенничество, недобросовестность кого-либо» [27. С. 722]; «уловка – поступок, ловкий, хитрый прием, применяемый с целью достичь чего-либо или уклониться от чего-либо» [Там же]; «увертка – по-

ступок, ловкий, хитрый прием с целью уклониться от чего-либо» [Там же]; «подлость – поступок низкий, бесчестный» [Там же. С. 724]; «низость – поступки или слова бесчестные, подлые и безнравственные» [Там же]; «интрига – поступки, скрытые действия неблагоприятного характера для достижения какой-либо цели, происки» [Там же. С. 722]; «измена – поступок, характеризующийся нарушением верности, предательством, вероломством» [Там же]; «предательство – поступок, поведение изменническое, вероломное» [Там же. С. 725]; «вероломство – поступок, поведение, характеризующееся нарушением обязательств, клятв путем обмана, предательства, коварства» [Там же. С. 721]; «обман – слова, поступки, действия, намеренно вводящие других в заблуждение» [28]; «подвох – действие, поступок, имеющие целью кого-либо подвести, поставить в затруднительное, неприятное положение» [Там же]; «надувательство – обман, плутовство» [Там же].

Значение большинства единиц данной группы определяется через отсылку к другим единицам этой же группы, например, эта особенность отражена в определении лексемы *обмануть*: «обмануть кого-либо какой-либо уловкой, с помощью какой-либо хитрости» [29. С. 1383], а также в типичных сочетаемостных моделях лексемы *подлый*: «*подлый предатель / предательство / обманичик / обман / жульничество*» [6. С. 813].

Выделенные в русском языке на системно-языковом материале признаки поступков данной группы позволяют провести разграничение относительно разных типов действий, лежащих в основе поступков: 1. хитрость, плутовство, жульничество, надувательство (мелкий обман); 2. уловка, увертка, фокус (обманное действие, отличающееся сноровкой и быстротой); 3. подлость, низость, гнусность, каверза, подвох (безнравственное обманное деяние); 4. предательство, вероломство, измена (обманное действие, заключающееся в переходе на сторону противника, что оценивается как обман доверия того / тех, кого покинули: «измена – переход на сторону чужих, сопровождаемый действиями, направленными против своих» [6. С. 379]). При этом существительное *обман* является метаименем для данной подгруппы единиц.

Группа «нечестный поступок» характеризуется достаточной номинативной плотностью, что проявляется в высокой степени детализации обозначаемого фрагмента реальности: «нечестный поступок» получает множественное вариативное обозначение.

Ситуация «нечестный поступок» представлена на системно-языковом уровне лексемами всех основных частеречных классов слов, именующих агентов нечестных поступков (*хитрец, хитрюга, хитрячка, плут, плутовка, обманичик, обманищица, жулик, подлец, подлюга, подлячка, интриган, интриганка, каверзник, каверзница, изменник, изменница, предатель*); их действия (*хитрить, плутовать, обманывать, надувать, жульничать, интриговать, каверзничать, изменять, предавать, подличать, вероломствовать*), оценку (*хитрый, хитростный, хитрецкий, обманный, надувательский, жульнический, жуликоватый, подлый, подлецкий, низкий, гнусный, интриганский, изменнический, предательский, вероломный, хитро, хит-*

ростно, хитрецы, по-хитрому, плутливо, плутовато, жуликовато, подленько, подловато, подло, низко, гнусно, каверзно, изменнически, предательски, вероломно), объекта (*обманутый*).

В словарных определениях достаточно подробное выражение получают элементы «агент», «оценка», «мотив» поступка. Мотив нечестного поступка не выражен в русском языке посредством специальных лексем, однако регулярно эксплицируется в словарных метаописаниях.

1. Характер агента «нечестного поступка» эксплицирован в словарных определениях некоторых лексем-репрезентантов рассматриваемой категории поступков. Определения указывают на двойственный характер человека, совершающего тот или иной поступок, представляющий собой сочетание изобретательности, проницательности, с одной стороны, и коварства – с другой: «хитрый – такой, который, обладая изворотливым умом и не ограничивая себя строгими моральными запретами, стремится любое дело решить в свою пользу, любую ситуацию повернуть к своей выгоде» [6. С. 1348]; «обманщик – тот, кто обманывает; обманывать – коварно, подло, нагло, нахально, ловко создать у кого-либо неверное мнение» [Там же. С. 644].

2. Оценка поступка. Большинство словарных определений выявляют отрицательную оценку поступков рассматриваемой группы: «обман – бессовестный, наглый, бесстыдный, нахальный, постыдный, возмутительный, отвратительный, страшный, жуткий, чудовищный и т.д.» [Там же. С. 644]; «интрига – поступки, скрытые действия неблагоприятного характера для достижения какой-либо цели» [27. С. 722]; «подлость – поступок низкий, бесчестный» [Там же]; «подлый – такой, который вызывает отвращение, достойный презрения» [6. С. 813].

3. Мотив поступка. Мотив эксплицирован в русской лексикографии применительно к поступкам «увертка», «уловка», «хитрость», «обман», «интрига». Прототипическим мотивом, судя по лексикографическим данным, является желание получить личную выгоду: «обманывать – недобросовестные, нечестные действия по отношению к кому-либо с целью получения выгоды» [Там же. С. 644]; «обман – сознательное введение в заблуждение другого лица с корыстными целями; состоит в сообщении ложных сведений о положении дела или в извращении истинных фактов» [30. С. 521]; «интрига – происки, скрытые, обычно неблагоприятные действия для достижения чего-нибудь» [31. С. 250]. Мотив поступка «хитрость» имплицитно выражен в словарном определении: «хитрость – поступок человека, скрывающего свои истинные намерения, идущего обманными путями к достижению чего-либо» [27. С. 728].

В целом лексикографические данные позволяют выделить следующие компоненты фреймовой модели ситуации нечестного поступка: «мотив», «агент», «объект», «действие», «оценка». Содержание названных слотов раскрывается, по лексикографическим данным, на уровне понятийного содержания соответствующих лексем: агент поступка: изворотливый, лукавый человек, скрывающий свои истинные намерения; мотив поступка:

желание получить личную выгоду; объект поступка – лицо, подвергшееся обману; действие в основе поступка: введение в заблуждение объекта поступка; оценка поступка: отрицательная (см. выше) [6].

Представление поступков в дискурсе также характеризуется разной степенью экспликации отдельных элементов: фокусировка внимания на одном из участников определяет тему сообщения и принцип ее развертывания в текст. В примерах употребления лексем, обозначающих ситуацию того или иного поступка, отражается возможность разного описания одного и того же поступка с точки зрения разных участников ситуации и сторонних наблюдателей.

В речи, как и в языке, в наибольшей степени актуализированы слоты «Агент поступка», «Действие, лежащее в основе поступка» и «Оценка поступка». Степень актуализации определяется количеством контекстов, в которых эксплицированы элементы фрейма поступка. Всего было рассмотрено 9240 контекстов с лексемами-репрезентантами группы «нечестный поступок». В 72% исследованных контекстов актуализирован слот «Агент поступка»; в 85% контекстов – слот «Оценка поступка»; в 45,6% – слот «Действие, лежащее в основе поступка». (Специфика показанных процентных соотношений, не дающих в сумме 100%, определяется возможностью актуализации в одном и том же контексте значений разных слотов.)

1. Слот «Агент поступка». Ключевой характеристикой агентов всех поступков рассматриваемой подгруппы являются непорядочность, безнравственность. Например: – *Смотрите же, братцы, не **надуйте**. – Вы, кажется, сомневаетесь в нашей порядочности? – голосом дуэлянта произнес друг, для которого вопросы чести всегда во всем стояли на первом месте* (В. Катаев. Алмазный мой венец). Агент поступка воспринимается как человек, с которым опасно иметь дело, тот, кого следует остерегаться: *А прекращать знакомство только тогда, когда убедишься, что человек – негодяй, **жулик**?* (И. Грекова. Знакомые люди); *Стало ясно: Людка не доверяла Ирине и ждала от нее любого **подвоха*** (В. Токарева. Своя правда).

Анализ сочетаемости единиц, актуализирующих агентов рассматриваемых поступков, позволяет установить их качественные и оценочные характеристики, а также выявить их общие и дифференциальные признаки. К общим признакам всех агентов поступков рассматриваемой подгруппы относятся свойства «бесчестность / безнравственность» и характеристики «умный / ловкий». Агент нечестного поступка – талантливый и неординарный человек, но этот талант проявляется в хитрости, обмане, как правило, осуществленном не простым и очевидным, а изощренным способом. Данные выводы подтверждают типичные словосочетания:

- подлец: *бессовестный; талантливый, хитроумный, даровитый, умный, изощренный;*
- предатель: *подлый, бесстыдный, бесчестный;*
- жулик: *бесстыжий; ловкий, изощренный, небесталанный;*
- изменник: *бесстыжий, продажный, подлый, низкий, гнусный, бесчестный, коварный; ловкий;*

- хитрец: *расчетливый, хитрый, коварнейший, коварный, нечестный; ловкий, искусный, гениальный, тонкий, глубокий;*
- хитрюга: *умная;*
- лут: *корыстный, лукавый, лицемерный, бессовестный, прехитрый, наглый; гениальный, находчивый, здравомыслящий, умный;*
- обманщик: *безнравственный, коварный, наглый, беззастенчивый, подлый, хитрый, гнусный, бесчестный, лицемерный; искусный, ловкий, талантливый;*
- обманщица: *низкая, бесстыжая, хитрая; ловкая;*
- каверзник: *мелочный; умный;*
- интриган: *вероломный, подлый, лукавый, бесстыжий; ловкий, расчетливый.*

Ближайшее контекстуальное окружение имен агентов поступков указывает на то, что рассматриваемые номинации регулярно употребляются в сочетании с прилагательными со значением высокой или низкой степени проявления признака: *большой плут / плутовка / обманщик / подлец / хитрец; великий плут / плутовка / обманщик / обманщица / подлец / изменник / хитрец; мелкий плут / подлец / подлюга / жулик.*

Указание на высокую степень признака «бесчестность / безнравственность» нередко получает эмоциональную окраску, что выражается в таких сочетаниях, как *ужасный плут / плутовка / обманщик / хитрец; жуткий / чудовищный / вопиющий обман.*

Среди словосочетаний с лексемами, обозначающими агентов, выделяются прилагательные синонимического ряда «опытный»: *матерый подлец / жулик; опытный жулик; отъявленный плут; прожженный хитрец / плут / обманщик.*

К дифференциальным чертам относятся сфера / место деятельности агента, например: *государственный / политический / картежный / площадной плут; дворцовый предатель; ярмарочный / базарный площадной / вокзальный жулик; местная плутовка.*

Анализ сочетаемостных характеристик позволяет установить, что в сознании носителей русского языка плут и обманщик соотносятся с храбростью (*бесстрашный плут; лхой обманщик*), хитрец и обманщик – с жестокостью (*хладнокровный, злой, жестокосердный обманщик / обманщица; жестокий, злой хитрец*); плут и жулик – с жадностью (*жадный плут / жулик*).

Агенты и действия могут получать образную характеристику с помощью зооморфных метафор, представленных когнитивной моделью «животное – хитрый человек»: в русском языке это «змея», «лиса». Например: *Не хитрил художник по-лисы, а работал, упрям и смел* (А. Иванов. Message: Чусовая); *Аграфена сердилась: – Петя не изменил. Не лисица какая-нибудь* (Б. Зайцев. Аграфена).

2. Слот «Действие, лежащее в основе поступка». Примеры НКРЯ указывают на то, что действие, лежащее в основе «нечестного поступка», сопровождается конфликтной ситуацией и влечет за собой изменение в каче-

стве отношений между агентом и объектом действия (с положительного на отрицательное).

Прототипическим признаком действий, лежащих в основе нечестных поступков, является их тайный характер. Действия, лежащие в основе таких поступков, на первый взгляд не представляют опасности для объекта поступка, но в результате тайный умысел расшифровывается участником ситуации и суть поступка становится очевидной. Ср.: ***Предательства, измены, подлости** как нормы жизни, задрапированные в бархаты и кружева, ослепляли искусственным блеском и одаривали пустотой время существования тех или иных фигур и их правлений* (Л. Васильева. Озаренная). На тайный характер действий указывают словосочетания типа *уличить в измене, поймать с поличным, улики измены* и т.д.

Тайный характер действий, лежащих в основе поступка, передается с помощью метафоры: *Им плелась кружевная интрига: подтолкнуть Николая Гумилева к решительному шагу в его «официальном» романе с Таней ценой женитьбы милого друга Жоржика на прелестной Габриэль* (А.Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой). Интрига часто уподобляется болоту, которое с виду не представляет опасности, но в результате убивает жертву: *Однако все правила детства и навыки юности привели к тому, что он свободно плавал в гнилом болоте интриг, подсиживания и откровенной лжи* (Б. Васильев. Ольга, королева русов).

В основе поступков подгруппы лежат такие действия, как нарушение обещания, клевета, доносительство, введение в заблуждение, воровство и т.д. Из сфер, в которых действия такого рода наиболее типичны, выделяются сфера политики: *Вся история наполовину и состоит из таких предательств. Ведь вот Мирабо и Дантон оказались все-таки **предателями**. А ведь революцию делали они!* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); сфера личных отношений: *Получалось, что свекровь защищает Машку. Такого **предательства** Светка не ожидала. Она отпустила подол Машкиного платья и вцепилась в рюши на свекровиной блузке* (М. Трауб. Ласточ...ка).

Одним из признаков действий, репрезентирующих нечестные поступки, является их внезапность, неожиданность для объекта поступка: *Враг, **вероломно** напавший на нашу родину, используя преимущество внезапности, рвался в глубь страны* (С. Вишенков. Испытатели).

Выделяются единичные примеры, в которых с именами нечестных поступков связываются действия, не прототипичные для соответствующих поступков. С предательством связаны действия, ведущие к серьезным разрушительным последствиям. В некоторых же контекстах незначительное обманное действие получает имя *предательство*, вероятно, для выражения крайне негативного отношения к ситуации, как в следующем примере: *Варя, конечно, поверила. До сих пор помнятся поднятые глаза, в них пламенно отражались красные гроздья. А потом, тайком от Вари, он пробрался в сад и, встав на цыпочки, объел весь куст. Ел торопясь, давясь, сознавая свое **предательство*** (И. Грекова. Фазан).

3. Слот «Оценка поступка». В русскоязычном дискурсе выявляется общее негативное отношение к поступкам данной подгруппы, что обнаруживается и при анализе сочетаемостных характеристик имен агентов поступков (см. выше), и в типичных словосочетаниях имен нечестных поступков: *хамское / чудовищное плутовство, коварный / грубый / бессовестный / наглый / возмутительный / гадкий / гнусный / циничный обман, отвратительная / безумная / чудовищная подлость*. Интенсификация отрицательно-оценочного значения как компонента семантики имен поступков рассматриваемой группы передается также с помощью сочетания наименований поступков со словами-интенсификаторами, не имеющими определенного оценочного знака, например, *необыкновенная / большая / величайшая / вселенская подлость, неслыханный обман*.

Прототипической оценкой для рассматриваемых поступков следует считать отрицательную оценку. Ср.: *Это Ритка, сволочь, хитрит...* (М. Елизаров. Библиотекарь); *Какие-то там кипят страсти, кто-то подличает, кто-то лезет: кто и что – не помню, только – мерзко* (А. Битов. Записки из-за угла); *Говорили о нем всегда нехорошее – о каверзах, интригах, подлостях, которые он чинил* Зубру (Д. Гранин. Зубр).

Наряду с этим в дискурсе присутствуют примеры, выявляющие положительную оценку агента, что характерно в основном для имен *плут, плутовка, жулик, хитрец, обманища*, например: *очаровательный плут / хитрец, милая плутовка / обманища, уважаемый, благородный жулик*. При этом соответствующие поступки оцениваются отрицательно.

4. Слот «Объект поступка» эксплицирован в 36% контекстов. Важную позицию в структуре фрейма «нечестный поступок» занимает компонент «объект поступка». Объект нечестного поступка представляется жертвой и нередко метафорически эксплицирован в коммуникативной практике: *крюк обмана, попасться на крючок, попасться на уловку, влипнуть в обман*.

Условием совершения нечестного поступка выступают определенного рода отношения между агентом и объектом – доверие со стороны объекта действия. Прототипическим объектом поступков подгруппы является доверчивый по природе человек или человек, который находится в доверительных отношениях с агентом поступка. Соответственно, объект поступка не ожидает подобных действий от агента поступка: *Умел улыбаться, и когда улыбался, то это был ангел, втирался в доверие к людям и потом их обманывал* (А. Рыбаков. Тяжелый песок); *Но, может, кто-то из остальных доверился, так же как и я, близкому человеку, а тот его предал?* (Ф. Искандер. Летним днем).

В случае поступков «хитрость», «обман», «надувательство» и некоторых других объект нередко воспринимается как не заслуживающий уважения из-за отсутствия прозорливости и ума, которые позволили бы ему оценить последствия поступка, совершаемого по отношению к нему. Фрейм «нечестный поступок» взаимосвязан с фреймом «глупый поступок»: номинации *дурак, дурачина, болван* и другие подобные, репрезентирующие фрейм «глупый поступок», выступают в том числе и обозначениями объекта поступков категории «нечестный поступок».

Типичные сочетаемостные модели, в которых встречаются лексемы слотов фрейма, указывают на то, каким образом объект поступка может реагировать на нечестное поведение, например: *смотреть сквозь пальцы на плутовство, оправдать обман, проглотить обман, утешительный обман* и др. То, что агент поступка достиг поставленной цели (обмануть объекта поступка), выражается в словосочетаниях *поддаться на уловку, повестись на уловку*.

Анализ текстов НКРЯ позволяет дополнить фреймовую модель ситуации нечестных поступков такими компонентами-слотами, как «мотив поступка» и «результат поступка», которые не получают своего выражения в лексической системе русского языка в виде специальных номинаций, однако регулярно актуализируются в речи.

5. Слот «Мотив поступка» актуализирован в 20% контекстов. Из многообразия причин выделяются общие для всех рассматриваемых поступков мотивы и специфические для некоторых из них. В первую очередь можно отметить разное отношение к мотиву поступка со стороны агента и наблюдателя. Агент всегда движим мотивом, который представляется ему крайне важным: *Ведь даже последний **подлец** внутри-то считает себя человеком порядочным, он обязательно подводит красивую базу под любую творимую им мерзость* (С.Л. Рябцева. Дети восьмидесятых).

Прототипические мотивы сводятся к двум взаимосвязанным разновидностям: 1) ради спасения себя; 2) ради обогащения / повышения социального статуса. Ср.: *Мне казалось, что каждый способен на любую **подлость**, только бы спасти себя* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь); ***Обманы, подлости, предательства**, кипение страстей. Как от розы пахнет розой, так и от денег пахнет всякой гадостью* (П. Акимов. Плата за страх).

Только некоторые поступки данной подгруппы могут совершаться из благих побуждений. Это справедливо для поступков «хитрость», «уловка»: *На какие только **уловки** не пускались мужчины и женщины, чтобы отвести **барина** от «бабятинки»: в него стреляли, к нему подсылали цыганку, соглашавшуюся за солидную сумму заразить его сифилисом, ему подсыпали в еду и питье средства, способные убить или хотя бы надолго лишить сил дюжину слонов, – все ему было нипочем* (Ю. Буйда. У кошки девять смертей).

6. Слот «Результат поступка» эксплицирован в 16% контекстов. Результат нечестных поступков может быть как положительным, так и отрицательным. Это, очевидно, зависит от фокуса внимания, эксплицированной в высказывании позиции наблюдателя, характеризующего ситуацию со стороны агента или объекта. Например: *Впоследствии же в результате хитрой **интриги** Нарусова **лишилась** своего места в Совфеде, на что обиделась и даже не пошла получать почетную грамоту за плодотворную работу* (К. Крылов. Калигула, твой конь в сенате); *Мама боролась не без таланта за мое оставление и **добилась победы** благодаря одной **хитрости**, достойной любого ученика Макиавелли, а может, и самого последнего* (А. Батюто. Дневник); *Но Борма похвастался поездкой на льве и только*

благодаря *хитрости* избежал мести со стороны разгневанного льва (Н. Гудзий. История древней русской литературы).

Подлость, предательство, измена, из-за серьезного негативного воздействия на жизнь объекта поступка, никогда не остаются незамеченными. Последствия поступков значимы настолько, что могут изменить судьбу человека, препятствовать благополучному течению жизни, повлиять на ход истории: *Антонина, столкнувшись в юном возрасте с подлостью, озлобилась, окаменела, сохранила на всю жизнь недоверие к людям, граничащее с ненавистью* (А. Савельев. Аркан для букмекера).

К прототипическому результату для всех поступков подгруппы можно отнести неминуемое наказание за совершенный поступок (всеобщее порицание, месть и др.): *Подлость нельзя оставлять безнаказанной* (Ю. Трифионов. Дом на набережной); *Но никакое предательство, никакая подлость даром не проходят* (В. Астафьев. Последний поклон).

В качестве стимулов в «Русском ассоциативном словаре» [32] представлены единицы *подлец, хитрец, жулик, обманщик, плут, предатель, обман, предательство, измена, обмануть, предать, каверзный, хитрый, подлый*. К исследованию привлекался и обратный материал. Лексемы *жулик, интрига, интриги, интриган, каверза, измена, изменить, изменил, изменила, изменник, изменница, надуть, надувательство, обман, обманеешь, обманул, обманула, обманули, обманут, обмануть, обманывать, обманутый, обманутым, обманщик, обманщица, подлость, подлый, подлая, подлец, подло, плут, плутовка, предатель, предатели, предательницы, предателя, предателю, предательство, предать, предашь, хитрость, хитрый, хитрец, хитрить, хитро, хитрое, хитрые* представлены в словаре в качестве ответов-реакций на разнообразные стимулы [Там же].

Данные ассоциативного эксперимента доказывают правомерность рассмотрения поступков в рамках одной подгруппы «нечестный поступок». Ср. стимулы, вызвавшие реакцию *хитрость*: *обман 1* (здесь и далее цифрой обозначено количество соответствующих ассоциаций), *подлец 1*; реакции на стимул *плут*: *обманщик 6, обман 2, обманул 1, жулик 1*; реакции на стимул *обман*: *подлость 5, подлый 4*; реакция *подлый 3* на стимул *обманщик*; реакции *низость 5, низкая 3, низко 1*; *гнусно 1* на стимул *подлость*; реакции на стимул *предательство*: *измена 10, изменник 1, подлость 4, подлое 3, гнусное 1, гнусность 1, обман 1*.

Все слоты фреймовой модели ситуации нечестного поступка получают большую или меньшую вербализацию в ассоциациях носителей русского языка.

1. Слот «Агент поступка». Данный слот наиболее актуализирован в ассоциативно-вербальной сети говорящих. Имена агентов нечестного поступка ассоциируются с представителями определенного рода деятельности – *хитрец / плут / обманщик*: *продавец 3, шулер 3, карманик 1, торговец 1*; *подлец*: *депутат 1, купец 1, политика 1, купец 1, делец 1, мент 2, врач 1, декан 1, президент 1, продавец в винном магазине 1, учитель 1* и определенного пола – *хитрец / плут / обманщик*: *он 3, муж 2, мужик 1, мужчина 1, девочка 1*. Сфера деятельности агента проявляется и в стиму-

лах, которые вызвали реакции жулик: экономист 2, банк 1, заведующий 1, кооператор 1, предприниматель 1, преступник 1, продавец 1, чиновник 1, шпион 1; подлость: тюремная 1; обманищик: продавец 2, бизнесмен 1, кооператор 1; подлец: мент 1.

Агентом поступков «подлость», «предательство», как показывает ассоциативный материал, часто выступают близкие люди. Ср.: ассоциация враг отмечена 1 раз, тогда как ассоциации, называющие друзей и родных, более частотны и разнообразны: знакомый 1, друг 1, товарищ 1, Пупс (мой друг) 1; предательство: друга 19, товарища 2, враг 2, друг 1, любимого 1, мужа 1. На близкие отношения между агентом и объектом нечестного поступка указывают и стимулы, которые вызвали реакции измена: мужья 2, друг 1, жена 1, муж 1, об отцах 1, подруга 1; подлец: сын 1, отец 2; предатель: коллега 1, товарищ 1; предательство: доверие 1.

Поступки подгруппы «нечестный поступок» ассоциируются с людьми, наделенными властью. Ср.: интрига: дворцовые 4, королевские 2, королевский двор 2, при дворе 2, в королевстве 1, во дворце 1, двора 1, французский двор 1, политика 1, светские 1. Признак «причастность к власти» вербализован также в стимулах, вызвавших реакцию измена: государственная 2; обман: политика 1, правление 1; подлость: политика 1; предатель: министр 1, президент 1.

Характеристики агента поступков подгруппы, представленные в вербальных ассоциациях, в целом совпадают с дискурсивными данными: это безнравственный, жестокий человек, при этом он представляется как деятельный и активный человек, на что указывают ассоциативные связи подлец – негодяй 11, бессовестный 2, подонок 2, бездушный 1, наглый 1, проныра 1; жулик – энергичный 1, проныра 1; интриган – коварный 1.

2. Слот «Оценка поступка». Наряду со слотом «Агент поступка» данный слот характеризуется высокой степенью репрезентации. Значительная группа ассоциатов выявляет отрицательную оценку поступков. Ср.: на стимулы подлость, подлец получены реакции: мерзавец 25, негодяй 17, гад 4, козел 3; сволочь 3, скотина 3, плохо 3, нахал 2, проходимец 2, хам 2, бессовестный 2, подонок 2, хам 2, грязь 1, злая 1, злость 1, мерзка 1, мерзкая 1, мерзость 1, мерзкий 1, противная 1, сволочь 1, ужасная 1, это плохо 1, бесстыжий 1, вонючий 1, гадкий 1, ничтожный 1, пакость 1, грех 1, жуткий 1, мразь 1, нехороший человек 1, идиот 1, он плохой 1, плохой 1, подонок 1, противен 1, ужасный 1, противно 1, нет прощения 1, не прощается 1, надо избавляться 1.

Отрицательная оценка представлена значительным количеством ассоциатов, связанных с лексемами хитрец (гад 2, прохвост 2, гадина 1, говнюк 1, негодяй 1, подлец 1, стервец 1, ужасный 1), плут (окаянный 2, гад 1, гнусный 1, дурак 1, дурачок 1, облезлый 1, плохой 1, скверный 1, страшный 1, ужасный 1, хулиган 1), обман (плохо 6, жестокий 6, подлый 4, грязный 2, гад 1, грех 1, грязь 1, сука 1, ужас 1, ужасно 1, ужасный 1), обманищик (козел 2, негодный 2, гад 1, гадина 1, дурачок 1, жалко 1, зло 1, зря 1).

Предательство также оценивается крайне негативно, ср. ассоциации: не надо о плохом 1, не стерпеть 1, недопустимо 1, оскорбление 1, очень

плохой поступок 1, унижение 1, часто ранит душу 1, ожог 1. Реакции на стимул предатель также выявляют отрицательную оценку: сволочь 4, ненависть 3, плохо 2, больно 1, дурак 1, злой человек 1, гнусный 1, идиот 1, нехороший 1, плохой 1, плохой человек 1 и др.

3. Слот «Действие, лежащее в основе поступка». В основе поступка лежит обман: ср. реакции на стимул интриган: аферы 1, обман 1, тайные 1, хитрость 1. Реакции плести 8, коварные 2, коварный 1 указывают на то, что интриган действует сложными, изощренными методами.

Действия, лежащие в основе поступков подгруппы, всегда внезапны (неожиданным может быть само действие или то, что его осуществляет агент поступка, от которого этого не ожидали): реакции на стимул подлость: исподтишка 2, коварный 1, подкараулила 1, удар ножом в спину 1, подстроить 1; стимул, вызвавший реакцию предатель: в спину 1.

Поступки «плутовство», «обман», «жульничество» ассоциируются с воровством. Ср.: плут – вор 2; обман – деньги 1; обманщик – вор 5, карманник 1; стимулы вор 6, мошенник 3, породившие реакцию жулик.

4. Слот «Объект поступка». Объект (доверчивый человек; близкий человек) эксплицирован в стимулах, породивших реакции обмануть: простого 2, девушку 1, товарища 1; предать: товарища 2; изменить: мужу 2.

5. Слот «Результат поступка». Результат актуализирован применительно к поступкам «плутовство», «обман», «предательство»: плут – пойман 1; обман – налицо 2, раскрытый 2, будет раскрыт 1, раскрыть 1, раскрытый 1, открылся 1, не простить 1, не удался 1. Предательство воспринимается как поступок, оставляющий след в судьбе человека и требующий сурового наказания: реакции души незаживающий ожог 1, он не выживет 1, прощай 1, убить 1, наказуемо 1.

6. Слот «Мотив поступка» – наименее актуализированный слот в вербальных ассоциациях. Единичные ассоциаты выявляют наличие некоего мотива поступков подгруппы: ср. стимул нарочно 1, вызвавший реакцию обмануть, подчеркивает преднамеренность нечестного поступка.

Проведенное исследование показало, что все имена рассматриваемой подгруппы являются именами поступков, так как они обозначают сознательные, социально направленные действия, получающие оценку. Поступки «хитрость», «плутовство», «обман», «надувательство», «жульничество», «уловка», «увертка», «подвох», «подлость», «низость», «гнусность», «интрига», «каверза», «подвох», «измена», «предательство», «вероломство» образуют единую группу «нечестный поступок», так как их объединяют интегральные компоненты «бесчестность», «безнравственность», «поступок».

Лексикографический, дискурсивный и ассоциативный анализ единиц, вербализующих ситуации поступков подгруппы, позволяет выделить для данной категории поступков доминантное имя обман, который может описывать все виды нечестных поступков. К единицам с более общим значением «безнравственное обманное деяние» также относятся гнусность, низость, подлость, каверза, подвох. Остальные лексемы покрывают определенные участки общего семантического пространства: признак «мелкий

обман» передается лексемами *хитрость, плутовство, жульничество, надувательство*; «обманное действие, отличающееся сноровкой и быстротой» – *уловка, увертка*; «обманное действие, заключающееся в переходе на сторону противника» – *предательство, вероломство, измена*.

Представления о нечестных поступках концептуализированы в русском языке, русской речи и сознании говорящих в виде фрейма, имеющего следующую логико-когнитивную структуру: слоты «Мотив поступка», «Агент поступка», «Объект поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка», «Результат поступка». Степень развернутости слотов в языке-системе, дискурсе и вербальных ассоциациях неодинакова. Слоты «Агент поступка», «Действие, лежащее в основе поступка», «Оценка поступка» актуализированы на всех уровнях вербализации знаний, они эксплицированы в лексической системе русского языка, дискурсивной практике, в ассоциативно-вербальной сети носителей русского языка. Слоты «Объект поступка» и «Результат поступка» представлены в русскоязычном дискурсе, в меньшей степени – в вербальных ассоциациях говорящих. Наименее эксплицированным из всех слотов фрейма является слот «Мотив поступка». Мотивы поступков раскрываются лишь в речи.

В целом языковые, дискурсивные и ассоциативные данные указывают на актуализацию сходных прототипических признаков элементов в структуре фрейма «нечестный поступок». Типичный агент поступков совершает обманное действие по отношению к доверчивому или знакомому человеку. Одним из ключевых признаков действия в основе поступков подгруппы является его тайный характер: это действие часто замаскировано под безобидное деяние. Прототипическим мотивом является желание получить личную выгоду. Поступки в абсолютном большинстве случаев оцениваются критически и воспринимаются как такие, которые приводят к крайне негативным последствиям для объекта поступка. Как правило, их истинная суть в результате открывается. Объект поступка может испытывать неоднозначные чувства по отношению к совершившемуся событию.

К отличиям относится то, что в дискурсе в фокусе внимания оказываются характеристики агента поступка с точки зрения присущих ему качеств (бесчестность, жадность, жестокость, ум и т.д.). Ассоциативные данные в большей степени выявляют сферу деятельности, с которой соотносится человек, совершающий нечестные поступки (политика, торговля, бизнес и др.). Результат поступка также представлен по-разному в речи и в вербальных ассоциациях. В ассоциативных реакциях подчеркивается наказуемость рассматриваемых поступков. В речи описываются случаи как отрицательных, так и положительных последствий поступков. Это же справедливо и для слота «Оценка поступка»: в дискурсе встречаются примеры, выявляющие положительную оценку, при этом ни на системно-языковом, ни на ассоциативном уровнях положительная оценка не фиксируется.

Исследование позволяет сделать вывод, что представления о нечестных поступках базируются на инвариантном фрейме, состоящем из слотов: мотив действия, агент, объект, действие, результат и оценка. Некоторые ком-

поненты данной структуры получают лексическую репрезентацию в виде слов с соответствующими лексическими значениями: агент: *хитрец, подлец, обманщик* и т.д.; действие: *обманывать, предавать*). Другие компоненты фреймовой модели актуализированы в лексикографических толкованиях лексем-репрезентантов фрейма или получают вербализацию в дискурсе, ассоциативных реакциях. В языке, речи и вербальных ассоциациях отдельные элементы ситуации поступка могут выдвигаться на первый план или же оставаться вне фокуса внимания. Каждая лексема, репрезентирующая фрейм, задает определенную перспективу восприятия, представления и отображения ситуации и также выдвигает определенные элементы ситуации на передний план.

Проведенное исследование позволяет систематизировать семантические компоненты, которые не выражены в толкованиях лексических значений слов, а раскрываются только в дискурсе и в ассоциациях (ср. сопоставление сводов значений, выделенных по данным лексикографии и сводов смыслов, актуализованных в дискурсивной практике и ассоциативных экспериментах в [17. С. 388–390]).

Словарные семантические компоненты значений лексем-репрезентантов группы «нечестный поступок»:

Агент поступка: хитрый человек, скрывающий свои истинные намерения;

мотив поступка: стремление получить личную выгоду;

объект поступка – лицо, подвергшееся обману;

действие в основе поступка: введение в заблуждение объекта поступка;

оценка поступка: отрицательная.

Смыслы, реализующиеся в дискурсивном представлении:

агент поступка: безнравственный, при этом умный / опытный / храбрый человек, с которым опасно иметь дело;

мотив поступка: желание агента поступка достичь благополучия; благие побуждения;

объект поступка: человек, испытывающий доверие к агенту поступка, нередко характеризуемый как глупый / неразумный в связи с этим;

действие в основе поступка: имеет тайный характер, скрыто под безобидным действием, часто неожиданно, в результате ведет к изменению отношений в отрицательную сторону между агентом и объектом поступка;

оценка поступка: отрицательная; положительная относительно агентов поступков «плутовство», «жульничество», «обман», «хитрость»;

результат поступка: положительный / отрицательный для агента поступка; отрицательный – для объекта поступка.

Смыслы, реализующиеся в ассоциативном представлении:

агент поступка: представитель разных сфер деятельности; человек, находящийся в доверительных отношениях с объектом поступка; человек, наделенный властью; безнравственный, при этом деятельный человек;

мотив поступка: не конкретизирован; в вербальных ассоциациях содержится лишь косвенное указание на наличие некоего мотива путем объективации семантики преднамеренности обмана;

объект поступка: человек, испытывающий доверие к агенту поступка;
действие в основе поступка: имеет обманный характер, часто неожиданно;

оценка поступка: отрицательная;

результат поступка: отрицательный для объекта поступка; требует наказания для агента поступка.

Проведенный анализ демонстрирует правомерность и высокую эффективность использования фреймового подхода для изучения ситуации поступка. Рассмотренный материал свидетельствует о детальной и стабильной концептуализации категории «нечестный поступок», на что указывают развернутость инвариантного фрейма ситуаций, соответствующих данной категории, устойчивость смыслового наполнения узлов фрейма, регулярная и сходная в основных чертах актуализация компонентов фрейма в коммуникативной и метакоммуникативной деятельности говорящих.

Литература

1. Летагин Л.Н. Эстетика поступка // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 4 (33). С. 173–174.
2. Кочубей Б. Действие и поступок // Знание-сила. 1991. № 7. С. 67–72.
3. Юхименко С.А. Поступок как осуществление экзистенции : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007. 24 с.
4. Димитрова С.В. Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения) // Научные ведомости Белгородского университета. 2013. № 23 (166), вып. 26. С. 205–215.
5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Переработанное издание. 100 тысяч слов. М. : ЛадКом, 2013. 848 с.
6. Большой универсальный словарь русского языка / ред. В.В. Морковкин. М. : Словари XXI века, 2017. 1456 с.
7. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
8. Ускова С.В. Семантическая модель совершения поступка в русском языке // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2011. № 4 (42). С. 109–112.
9. Симонова Е.В. Семантическое поле «нечестное поведение» в истории русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.
10. Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. 20 с.
11. Минский М. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия, 1979. 151 с.
12. Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2012. Вып. 12. С. 33–43.
13. Шенк Р., Биренбаум Л., Мей Дж. К интеграции семантики и прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24. С. 32–47.
14. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning-construction. Oxford; New York : Oxford Univ. Press, 2009.
15. Rosch E. Principles of categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, 1978. P. 27–48.
16. Niklas-Salminen A. La Lexicologie. Paris, 1997. 201 p.
17. Крючкова Н.В. Концепт – Референция – Коммуникация. Саратов : ИП Баженов, 2009. 301 с.

18. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и структура словаря // Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982. С. 75–91.
19. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 6. С. 31–37.
20. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 467–472.
21. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Рос. акад. наук. Ин-т. рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999. 180 с.
22. Мартинович Г.А. Текст и эксперимент: исследование коммуникативно-тематического поля в русском языке. СПб. : Изд-во СПб ГУП, 2008. 256 с.
23. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий // Вопросы психолингвистики. 2014. № 22. С. 56–67.
24. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М. : Наука, 1969. 308 с.
25. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М. : Гнозис, 2005. 543 с.
26. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 15.01.18).
27. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.
28. Малый академический словарь. URL: <http://classes.ru> (дата обращения: 17.06.2018).
29. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
30. Брокгауз Ф.А., Ефронь И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 21. 480 с.
31. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : ОГИЗ, 1949. 968 с.
32. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 17.05.2018).

The Frame Model of Dishonest Acts (In the Russian Language)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 62. 33–53. DOI: 10.17223/19986645/62/3

Lyudmila A. Bushuyeva, Lobachevsky University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: sebeleva@yandex.ru

Keywords: act, dishonest act, frame, prototype, discourse analysis, verbal associations.

The aim of this article is to show how the frame model of acts, dishonest acts in particular, is represented in the system of the Russian language, discourse and word associations. The linguistic research objective includes defining the components and its prototypical characteristics of the frame of the group “dishonest act”, revealing more and less expressed components of the situation in the system of the Russian language, discourse and associations. The sources of the material are dictionaries of the Russian language including the dictionary of synonyms, the association dictionary; the texts of the Russian National Corpus. To achieve the aim, the following methods are applied: the analysis of words’ semantics; the analysis of word combinations, the analysis of words’ contextual meaning; the research of synonymous and derivational links, associative data. The research is based on the current cognitive approach, according to which people learn about the world with the help of categorisation, which is a process in which ideas and objects are recognised, classified and thus understood. The categories in a language are arranged with the help of the structures with prototypical and peripheral elements. A prototype is viewed in the article as an object that can be defined as a unity of elements with features which are associated with a certain category; it is the central element of a category. Acts are represented in the research as a semantic-cognitive category

with dishonest acts as the subcategory of the category of acts. A supposition is made that the category of acts and its subcategories are based on the same frame model. A frame is considered to be one of the means of structuring knowledge and experiences. By means of vocabulary research, lexemes, which denote the situation of dishonest acts, are singled out. These words are thoroughly analysed in terms of their semantic peculiarities, which helps to build the model of the situation represented by these lexemes. This model consists of the following elements: “aim”, “action”, “subject”, “object”, “valuation”, “result”. As part of the study, the peculiarities of their functioning in the Russian discourse and the associative links are investigated. The discourse analysis specifies the core of the frame and the prototypical characteristics of its components. The study of the word associations makes the prototypical features of the frame more exact. Comparison of the dictionary, discourse and association data shows that some of these key elements are highlighted more than the others in the language and discourse, which actually shows from which perspective the frame is viewed.

References

1. Letyagin, L.N. (2014) Estetika postupka [Aesthetics of the act]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye (Terra Humana) – Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 4 (33). pp. 173–174.
2. Kochu'bey, B. (1991) Deystvie i postupok [Action and act]. *Znanie-sila*. 7. pp. 67–72.
3. Yukhimenko, S.A. (2007) *Postupok kak osushchestvlenie ekzistentsii* [An act as the exercise of existence]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Dimitrova, S.V. (2013) Actions and behavior of modern person (axiological aspect of consideration). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 23 (166):26. pp. 205–215. (In Russian).
5. Ushakov, D.N. (2013) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: LadKom.
6. Morkovkin, V.V. (ed.) (2017) *Bol'shoy universal'nyy slovar' russkogo yazyka* [The large universal dictionary of the Russian language]. Moscow: Slovare XXI veka.
7. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow: Nauka.
8. Uskova, S.V. (2011) Concept of action in the Russian-language picture of the world. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 4 (42). pp. 109–112. (In Russian).
9. Simonova, E.V. (2006) *Semanticheskoe pole "nechestnoe povedenie" v istorii russkogo yazyka* [The semantic field of “dishonest behavior” in the history of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ufa.
10. Starostina, E.V. (2004) *Freymovyy analiz russkikh glagolov povedeniya (na materiale assotsiativnykh reaktsiy)* [Frame analysis of Russian verbs of behavior (based on associative reactions)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
11. Minskiy, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for the representation of knowledge]. Moscow: Energiya.
12. Boldyrev, N.N. (2012) On the integrative theory of linguistic representation of knowledge. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*. 12. pp. 33–43. (In Russian).
13. Schank, R., Birmbaum, L. & Mey, J. (1989) K integratsii semantiki i pragmatiki [Integrating semantics and pragmatics]. Translated from English by G.Yu. Levin. In: Gorodetskiy, B.Yu. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow: Nauka. Vol. 24. pp. 32–47.
14. Evans, V. (2009) *How words mean: lexical concepts, cognitive models and meaning-construction*. Oxford; New York: Oxford University Press.
15. Rosch, E. (1978) Principles of categorization. *Cognition and Categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. pp. 27–48.

16. Niklas-Salminen, A. (1997) *La Lexicologie*. Paris: Armand Colin.
17. Kryuchkova, N.V. (2009) *Kontsept – Referentsiya – Kommunikatsiya* [Concept – Reference – Communication]. Saratov: IP Bazhenov.
18. Dem'yankov, V.Z. (1982) Morfologicheskaya interpretatsiya teksta i struktura slovary [Morphological interpretation of the text and the structure of the dictionary]. In: Rozentsveyg, V.Yu. (ed.) *Voprosy kibernetiki: Obshchenie s EVM na estestvennom yazyke* [Questions of cybernetics: Communication with computers in a natural language]. Moscow: Nauka. pp. 75–91.
19. Khurmatullin, A.K. (2009) Ponyatie diskursa v sovremennoy lingvistike [The concept of discourse in modern linguistics]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 151 (6). pp. 31–37.
20. Nikolaeva, T.M. (1978) Kratkiy slovar' terminov lingvistiki teksta [A Brief Dictionary of Text Linguistics Terms]. In: Nikolayeva, T.M. (ed.) *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 467–472.
21. Karaulov, Yu.N. (1999) *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbal'naya set'* [Active Grammar and Associative Verbal Network]. Moscow: V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences.
22. Martinovich, G.A. (2008) *Tekst i eksperiment: issledovanie kommunikativno-tematicheskogo polya v russkom yazyke* [Text and experiment: a study of the communicative-thematic field in the Russian language]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.
23. Gol'din, V.E. & Sdobnova, A.P. (2014) “Lexicographical” and “psycholinguistic” representation of meanings: search for a match. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*. 22. pp. 56–67. (In Russian).
24. Leont'ev, A.A. (1969) *Psikholingvisticheskie edinitsy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and generation of speech utterance]. Moscow: Nauka.
25. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye trudy* [Psycholinguistic research. Word. Text: Selected Works]. Moscow: Gnozis.
26. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/search-main.html>. (Accessed: 15.01.18).
27. Babenko, L.G. (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisaniye* [Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: An ideographic description]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
28. Evgen'yeva, A.P. (ed.) (1999) *Malyy akademicheskyy slovar'* [Small Academic Dictionary]. [Online] Available from: <http://classes.ru>. (Accessed: 17.06.2018).
29. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
30. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1897) *Entsiklopedicheskyy slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. Vol. 21. St. Petersburg: AO “F.A. Brokgauz – I.A. Efron”.
31. Ozhegov, S.I. (1949) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: OGIZ.
32. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian Associative Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>. (Accessed: 17.05.2018).